VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Бертран Рассел.

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНЫМ?

Публикация 1941 г.

Я привык думать о себе как о Рационалисте; и Рационалист, я полагаю, это тот, кто желает, чтобы люди были разумными. Но в наши дни рациональность подвергается множеству жестких нападок, так что трудно понять, что имеется в виду, когда говорят о рациональности, или же в тех случаях, когда смысл ясен, встает вопрос о том, может ли человек быть рациональным. Вопрос определения рациональности имеет две стороны — теоретическую и практическую: «что такое рациональное мнение?» и «что такое рациональное поведение?» Прагматизм подчеркивает иррациональность мнения, а психоанализ подчеркивает иррациональность поведения. Обе теории привели множество людей к тому мнению, что не существует такой вещи, как идеал рациональности, которому могут в целом соответствовать мнение и поведение. Из этого, по всей видимости, следует, что если вы и я придерживаемся разных точек зрения, бесполезно апеллировать к аргументу или решению беспристрастного человека; нам ничего не остается, как довести спор до конца методами риторики, рекламы или войны в соответствии со степенью нашей финансовой или военной силы. Я убежден, что подобный взгляд очень опасен и в будущем фатален для цивилизации. Поэтому я постараюсь показать, что идеал рациональности остается незатронутым идеями, которые рассматриваются как роковые для этого идеала, и что он сохраняет всю ту важность, которую имел до сих пор, когда его рассматривали как руководящий принцип мысли и жизни.

Начнем с рациональности в мнениях: я определяю ее просто как привычку принимать в расчет все соответствующие свидетельства при выработке определенного мнения. Там, где уверенность недостижима, рациональный человек придаст наибольшее значение наиболее возможному мнению, в то же время удерживая другие, имеющие ощутимую вероятность, в своем уме как гипотезу, которую будущие свидетельства могут подтвердить как более предпочтительную. Это, конечно, предполагает, что во многих случаях факты и вероятности можно установить объективным методом, например методом, который приведет двух любых внимательных людей к одинаковому результату. Это часто подвергается сомнению. Многие говорят, что единственная функция интеллекта — способствовать удовлетворению индивидуальных желаний и нужд. Комитет по изданию учебников «Плебс» в «Основах психологии» пишет: ***«Интеллект, прежде всего, является инструментом пристрастности.*** Его функция состоит в том, чтобы гарантировать, что те действия, которые благотворны для индивида или человеческого рода, должны выполняться, а те действия, которые менее благотворны, должны запрещаться». (Курсив оригинала.) Но те же авторы в той же книге утверждают, опять же курсивом: ***«Марксистская вера полностью отличается от религиозной веры; последняя основывается только на желании и традиции; первая основывается на научном анализе объективной реальности».*** Это представляется противоречащим тому, что они говорят об интеллекте, если только они на самом деле не имеют в виду, что интеллект не принимал участия в их обращении в марксистскую веру. В

Бертран Рассел.

МОЖЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК БЫТЬ РАЦИОНАЛЬНЫМ?

Публикация 1941 г.

Я привык думать о себе как о Рационалисте; и Рационалист, я полагаю, это тот, кто желает, чтобы люди были разумными. Но в наши дни рациональность подвергается множеству жестких нападок, так что трудно понять, что имеется в виду, когда говорят о рациональности, или же в тех случаях, когда смысл ясен, встает вопрос о том, может ли человек быть рациональным.

Вопрос определения

рациональности имеет две стороны — теоретическую и практическую: «что такое рациональное мнение?» и «что такое рациональное поведение?» Прагматизм подчеркивает иррациональность мнения, а психоанализ подчеркивает иррациональность поведения. Обе теории привели множество людей к тому мнению, что не существует такой вещи, как идеал рациональности, которому могут в целом соответствовать мнение и поведение. Из этого, по всей видимости, следует, что если вы и я придерживаемся разных точек зрения, бесполезно апеллировать к

аргументу или решению беспристрастного человека; нам ничего не остается, как довести спор до конца методами риторики, рекламы или войны в соответствии со степенью нашей финансовой или военной силы. Я убежден, что подобный взгляд очень опасен и в будущем фатален для цивилизации. Поэтому я постараюсь показать, что идеал рациональности остается незатронутым идеями, которые рассматриваются как роковые для этого идеала, и что он сохраняет всю ту важность, которую имел до сих пор, когда его рассматривали как руководящий принцип мысли и

жизни.
Начнем с рациональности в мнениях: я определяю ее просто как привычку принимать в расчет все соответствующие свидетельства при выработке определенного мнения. Там, где уверенность недостижима, рациональный человек придаст наибольшее значение наиболее возможному мнению, в то же время удерживая другие, имеющие ощутимую вероятность, в своем уме как гипотезу, которую будущие свидетельства могут подтвердить как более предпочтительную. Это, конечно, предполагает, что во многих случаях факты и

вероятности можно установить объективным методом, например методом, который приведет двух любых внимательных людей к одинаковому результату. Это часто подвергается сомнению. Многие говорят, что единственная функция интеллекта — способствовать удовлетворению индивидуальных желаний и нужд. Комитет по изданию учебников «Плебс» в «Основах психологии» пишет: *«Интеллект, прежде всего, является инструментом пристрастности.* Его функция состоит в том, чтобы гарантировать, что те действия, которые

благотворны для индивида или человеческого рода, должны выполняться, а те действия, которые менее благотворны, должны запрещаться». (Курсив оригинала.) Но те же авторы в той же книге утверждают, опять же курсивом: *«Марксистская вера полностью отличается от религиозной веры; последняя основывается только на желании и традиции; первая основывается на научном анализе объективной реальности».* Это представляется противоречащим тому, что они говорят об интеллекте, если только они на самом деле не имеют в виду, что интеллект не

принимал участия в их обращении в марксистскую веру. В любом случае, поскольку они признают, что возможен «научный анализ объективной реальности», они должны признать, что можно иметь мнения, рациональные в объективном смысле.

Более эрудированных авторов, тех, кто отстаивает иррационалистскуто точку зрения, таких, как философы-прагматисты, не так легко опровергнуть. Они утверждают, что не существует такой вещи, как объективный факт, которому должны соответствовать наши мнения, если они считаются

истинными. Для них мнения — только орудия в борьбе за существование, и те из них, которые помогают человеку выжить, будут называться «истинными». Этот взгляд преобладал в Японии в VI в. н. э., когда буддизм впервые достиг этой страны. Правительство, сомневаясь в истинности новой религии, приказало одному из придворных принять ее экспериментально; если он преуспеет более чем остальные, религию примут как универсальную. Этот метод (модифицированный для нашего времени) отстаивается прагматистами по отношению ко

всем религиозным спорам; но я еще не слышал от кого-либо заявления, что он обратился в иудейскую веру, хотя кажется, что она ведет к процветанию быстрее, чем какая-либо другая.

Несмотря на такое определение «истины», в повседневной жизни прагматизм всегда руководствуется совершенно иными принципами для менее утонченных вопросов, возникающих в практических делах. Прагматист-присяжный в случае убийства будет обдумывать случившееся точно так же, как и любой другой человек; тогда как если бы он придерживался своих

принципов, то должен был бы решать, кого более выгодно будет повесить. Этот человек, по определению, будет виновным в убийстве, поскольку вера в его виновность будет более полезной, и, следовательно, более «истинной», чем вера в вину какого-либо другого человека. Боюсь, что такой практический прагматизм иногда встречается; я слышал о «подтасовках» в Америке и в России, которые соответствуют этому описанию. Но в таких случаях делается все, чтобы скрыть этот факт, и если эти усилия проваливаются, то случается

скандал. Такое укрывательство показывает, что даже полицейские верят в объективную истину в судебном расследовании. Именно такого рода объективную истину — весьма мирскую и прозаичную, — стремятся найти ученые. Именно такого Рода истину люди также ищут найти в религии до тех пор, пока надеются найти ее. Только когда люди оставляют надежду доказать, что религия является истиной в прямом смысле, они берутся за труд до, казать, что это «истина» в некоем новомодном смысле. Можно открыто заявить, что иррационализм, т. е. неверие в

объективные факты, почти всегда вырастает из желания доказать нечто, для чего не существует подтверждающих свидетельств, или отрицать нечто, что хорошо подтверждается. Но вера в объективные факты всегда сохраняется в отношении частных практических вопросов, таких как инвестиции или наём слуг. И если действительно можно было бы повсюду проверить истинность наших убеждений, это была бы проверка во всех областях, ведущая к агностицизму везде, где бы она ни была проведена.

Вышеупомянутые соображения,

конечно, весьма неадекватны по отношению к теме. Решение проблемы объективности факта затруднено туманными рассуждениями философов, которые я попытаюсь проанализировать в дальнейшем более радикальным способом. Сейчас же я должен предположить, что существуют факты, что некоторые факты познаваемы, и относительно некоторых других фактов может быть установлена степень вероятности по отношению к фактам, которые могут быть познаны. Однако, наши убеждения часто противоречат факту; даже

когда мы только считаем, что нечто вероятно, основывается на соответствующих свидетельствах, может быть так, что мы должны полагать это невероятным на основании тех же самых свидетельств. Следовательно, теоретическая часть рациональности состоит в обосновании наших убеждений скорее на соответствующих свидетельствах, чем на желаниях, предубеждениях, традициях. Таким образом, рациональным будет либо беспристрастный человек, либо ученый.

Некоторые думают, что психоанализ

показал невозможность рациональных убеждений, выявив странное и почти безумное происхождение нежно лелеемых убеждений многих людей. Я весьма уважаю психоанализ, и я верю в то, что он может быть чрезвычайно полезен. Но общественное мнение потеряло из виду цель, которая, в основном, вдохновляла Фрейда и его последователей. Их метод изначально является терапевтическим, это способ лечения истерии и различных видов умопомешательства. Во время войны психоанализ доказал, что он один из самых важных способов лечения

неврозов, полученных на войне. Книга Риверса «Инстинкт и бессознательное», которая во многом базируется на опыте лечения контуженых пациентов, дает блестящий анализ болезненных проявлений страха, когда этому страху нельзя прямо потворствовать. Эти проявления, конечно, в основном неинтеллектуальны; они включают в себя различные виды параличей, все типы, по-видимому, физических болезней. Но в настоящей статье мы это не будем обсуждать; сосредоточимся на интеллектуальных отклонениях. Установлено, что многие

галлюцинации сумасшедших являются результатом инстинктивных препятствий и могут быть вылечены чисто психическими средствами, например путем доведения до сознания пациента фактов, которые были подавлены в его памяти. Этот вид лечения и мировоззрение, внушающее его, предполагают идеал здравомыслия, от которого пациент отклонился и к которому он должен быть возвращен путем осознания всех относящихся к делу фактов, включая и те, которые он более всего желает забыть. Это прямо противоположно тем ленивым уступкам

иррациональности, на которые иногда подстрекают те, кто знает только, что психоанализ показал преобладание иррациональной веры, и кто забывает или игнорирует то, что его цель — ослабить это преобладание определенным методом медицинского лечения. Весьма похожий метод может исцелить иррациональность тех, кто не считаются сумасшедшими, при условии, что они будут подвержены лечению специалистом, свободным от их иллюзий. Президенты, Кабинет министров и Выдающиеся Личности, однако, редко выполняют это условие и, следовательно,

остаются неизлеченными.
До сих пор мы рассматривали только теоретическую сторону рациональности. Практическая сторона, к которой мы сейчас обратимся, более сложна. Различия во мнениях на практические вопросы проистекают из двух источников: во-первых, различия между желаниями спорщиков; во-вторых, различия в их оценках средств реализации своих желаний. Различия второго сорта на самом деле теоретические и лишь косвенным образом — практические. Например, некоторые авторитетные люди утверждают, что

первая линия нашей обороны должна комплектоваться из линкоров, другие — что из аэропланов. Здесь нет различий относительно предлагаемой цели, а именно национальной безопасности, различие только в средствах. Рассуждение, следовательно, может быть построено чисто научным способом, поскольку несогласие, вызывающее диспут, касается только фактов настоящих или будущих, определенных или вероятных. Ко всем этим случаям применим тот тип рациональности, который я назвал теоретическим, несмотря на

то, что решается практический вопрос.
Однако в подобных случаях существуют осложнения, которые очень важны для практики. Человек, желающий действовать определенным образом, будет убеждать себя в том, что, действуя таким образом, он достигает некоей цели, которую считает благой, даже в том случае, когда если бы у него не было такого желания, он не видел оснований для подобного убеждения. И он будет судить о фактах и возможностях несколько иным образом, чем человек с противоположными желаниями.

Азартные игроки, как всем известно, преисполнены иррациональной веры в системы, которые в конечном итоге *должны* привести их к выигрышу. Люди, интересующиеся политикой, убеждают себя, что лидеры их партии никогда не будут повинны в мошеннических трюках, практикуемых другими политиками. Человек, любящий управлять, думает, что для населения хорошо, если его рассматривают как стадо овец; человек, который любит табак, говорит, что он успокаивает нервы; человек, любящий алкоголь, говорит, что он стимулирует остроумие.

Пристрастия, вызванные такими причинами, фальсифицируют человеческие суждения о реальности таким способом, которого очень сложно избежать. Даже научная статья о воздействии алкоголя на нервную систему будет в целом выдавать автора, на основании внутренней логики, в том, является ли он трезвенником; в любом случае у него будет тенденция видеть факты в таком свете, который оправдывает его собственную практику. В политике и религии такие соображения становятся очень важными. Большинство людей думает, что в

формировании своих политических мнений они руководствуются желанием общественного блага; но в девяти случаях из десяти политические взгляды человека могут быть предсказаны на основании его образа жизни. Это приводит некоторых людей к убеждению, а многих и к убеждению, выражающемуся в практических действиях, что в таких случаях невозможно быть объективным и что возможно только «перетягивание каната» между классами с противоположными интересами.

Однако именно в таких случаях

психоанализ отчасти полезен, поскольку он позволяет людям осознать те интересы, которые до сих пор были неосознанны. Он предоставляет методы для самонаблюдения, т. е. возможность увидеть себя со стороны, и основание для предположения, что этот взгляд на самих себя со стороны менее несправедлив, чем мы склонны думать. В сочетании с обучением научному мировоззрению этот метод может, если ему широко обучать, дать возможность людям стать бесконечно более рациональными, чем в настоящем, в отношении их убеждений о

реальности и о возможных последствиях любого предлагаемого действия. И если люди едины во взглядах на эти проблемы, расхождения, которые сохранятся, почти несомненно можно будет урегулировать дружелюбно. Остается, однако, вопрос, который нельзя решить чисто интеллектуальными методами. Желания одного человека невозможно полностью гармонизировать с желаниями другого. Два конкурента на бирже могут быть в полном согласии относительно последствий того или иного действия, но это не вызовет

гармонии в практической деятельности, поскольку каждый хочет разбогатеть за счет другого. Тем не менее даже здесь рациональность способна предотвратить большую часть вредных последствий, которые в противном случае реализуются. Мы называем человека иррациональным, когда он действует по страсти, когда он отрезает себе нос, чтобы изуродовать лицо. Он иррационален, ибо забывает, что, потакая желанию, которое ему довелось пережить наиболее сильно в этот момент, он помешает исполнению других желаний,

которые в дальнейшем будут более важны для него. Если бы люди были рациональны, они бы выдерживали более правильный взгляд на свой собственный интерес, чем они делают это сейчас; и если бы все люди исходили из осознанного собственного интереса, мир был бы раем по сравнению с тем, что он есть сейчас, я не утверждаю, что нет ничего лучше, чем собственный интерес в качестве мотива действия; но я утверждаю, что собственный интерес, как и альтруизм, лучше, когда он осознан, чем когда он не осознан. В упорядоченном обществе человек очень редко бывает

заинтересован делать что-либо слишком вредное для других. Чем менее рационален человек, тем чаще он не понимает, насколько то, что оскорбляет других, оскорбляет и его, потому что ненависть и зависть ослепляют его. Следовательно, хотя я и не утверждаю, что осознанный собственный интерес является высшей моралью, я утверждаю, что если он становится всеобщим, он делает мир неизмеримо лучше, чем он есть.

Рациональность на практике может быть определена как привычка помнить и учитывать все наши соответствующие желания, а не

только то, что оказывается наиболее сильным в данный момент. Как и в случае рациональности во мнениях, это вопрос о степени. Несомненно, полная рациональность — недостижимый идеал, но поскольку мы продолжаем относить некоторых людей к сумасшедшим, ясно, что мы думаем о некоторых людях, как о более рациональных, чем другие. Я верю, что всякий прочный прогресс в мире состоит в возрастании рациональности, как практической, так и теоретической. Проповедовать альтруистическую мораль кажется мне чем-то бесполезным, потому что она будет взывать только к тем,

кто уже имеет альтруистические желания. Но проповедовать рациональность — это нечто иное, так как рациональность помогает нам осознать наши собственные желания в целом, какими бы они ни были. Человек рационален в той пропорции, в какой его интеллект формирует и контролирует его желания. Я полагаю, что контроль над нашими действиями со стороны интеллекта и есть, в конечном счете, то самое важное, что делает еще возможной общественную жизнь по мере того, как наука все увеличивает количество находящихся в нашем распоряжении средств для

нанесения вреда друг другу. Образование, пресса, политика, религия — словом, все великие силы мира — сегодня на стороне иррациональности; они в руках людей, которые льстят Его Величеству Народу, Дабы сбить его с толку. Средство спасения не в каком-либо героическом свершении, но в усилиях индивидов, направленных к более здравомыслящему и сбалансированному взгляду на наши отношения с соседями и к миру. Именно ко все более широко распространяющемуся интеллекту должны мы обращаться для решения

всех проблем, от которых страдает наш мир.